

АКТА НЕТ? ПОЖАРА НЕ БЫЛО!

Век. Москва - 2002 - 21 янв - 96

Григорий СПЕКТОР

В 1937 году Покровский окончил ГИТИС как режиссер драмы (кстати, вместе с Георгием Товстоноговым) и уехал в Горький режиссером Театра оперы и балета. Через пять сезонов его пригласил в Большой главный дирижер театра С. Самосуд. Постановка режиссером «Евгения Онегина» (1944) стала эталоном прочтения классики (спектакль шел свыше 40 лет и был недавно возобновлен). Покровскому консервативный Большой обязан постановками современных композиторов: «Войны и мира», «Игрока», «Обручения в монастыре» С. Прокофьева, «Катерины Измайловой» Д. Шостаковича, «Мертвых душ» Р. Шедрина, «Сна в летнюю ночь» Б. Бриттена.

Покровский не обделен правительственными наградами и премиями, но зато он «удостоен чести» попасть в знаменитые Постановления ЦК ВКП(б) по опере Мурадели «Великая дружба» (1948) и опере Г. Жуковского «От всего сердца» (1951).

Автор многих книг по теории и практике оперной режиссуры, Покровский вырастил в ГИТИСе несколько поколений артистов-певцов (Т. Синявская, В. Пьявко). Студенты ГИТИСа сами настояли на приглашении Покровского преподавателем на курс актеров музыкального театра, а он для первого же учебного спектакля выбрал материал, который долго «не разрешали» — «негритянскую» оперу Гершвина «Порги и Бесс». И этот спектакль в крохотном Учебном театре института наделал шума в Москве, как иная премьера в крупном академическом. В январе 1972 года родился Московский государственный академический камерный музыкальный театр, ядром которого стал выпускник курса Покровского в ГИТИСе.

Теперь коллектив стал академическим. Для театра писали Хренников, Холминов, Таривердиев, А. Чайковский, Журбин, Тактакишвили, Кобекин... На его сцене были поставлены «Ростовское действо» XVII века, возрожденная опера Шостаковича «Нос», «Похождения повесы» Стравинского (впервые на русской сцене). Последние по времени постановки Покровского в Камерном театре — «Сорочинская ярмарка» Мусоргского и «Свадьба Фигаро» Моцарта. Камерный театр Покровского — единственный театр, в котором нет деления на солистов и артистов хора: сегодня артист поет героя, а завтра участвует в хоровой сцене. Двойной юбилей Покровский отмечает работой над новыми постановками — операми Пуччини «Джанни Скикки» и «Плаш».

Покровский и чиновники

Положение театра — бездомного, второй год кочующего по клубам и неожиданно выскакивающего со спектаклями то на одной, то на другой московской сцене, — к 1973 году стало просто невыносимым. Вопрос о помещении не просто назрел, а кровоточил. Доброжелатели рыскали по Москве и сообщали нам о сколько-нибудь подходящих помещениях. Мы с директором Л. Тумашевым выезжали поглядеть и обнаруживали, как правило, захламленные развалюхи, предзнамененные на слом. В одной из них, покрупнее видом, на территории храма Анники-воина, что на бывшей улице Димитрова, коллектив наш даже провел субботник с вывозом мусора. Увы, деревянная постройка оказалась непригодной. Московские «директивные органы» и слышать не хотели о новом театре. Подумав, мы решили перейти на уровень ниже — районные власти. Один из наших поклонников и радателей, старый московский театральный администратор Н. Хотимский, узнал, что власти Ленинградского района закрывают маленький кинотеатр «Сокол» у самой станции метро. Он был расположен бок о бок с пожарной частью. Последнее обстоятельство было важным: районное пожарное начальство положило глаз на уютный зальчик и захотело сделать его своим клубом. Сначала они доставали кинофикаторов инспекциями, протоколами и актами, а потом просто повесили на дверь замок, найдя подходящий повод. Районные же власти подумали и решили открыть в «Соколе»... пивной зал.

Покровский попросил аудиенцию у председателя райсовета, на которую пошел с директором и со мной. Председателем в ту пору была некто К., нестарая женщина, одетая по партийной моде в

ский костюм. Вокруг стояла свита. Напряженными были все, кроме Покровского. И тут же Борис Александрович развернул перед председательшей неотраженную картину будущего ББ театра, музыкального театра ЛЕНИНГРАДСКОГО РАЙОНА!

К. и свита упирались, приводя все более тупые аргументы в защиту пивного зала.

— У вас есть районы-побратимы в других странах? — неожиданно спросил Покровский.

— Есть, в Будапеште, в Праге.

Режиссеру, педагогу, писателю Борису Александровичу Покровскому — 90! Вся его творческая жизнь проходит в Москве — в самом большом и в самом маленьком (Камерном музыкальном) театрах. Много десятков лет Покровский — режиссер Большого театра, свыше двадцати лет — его главный режиссер, во многом определивший репертуар и эстетику главной оперной сцены страны.

— Вот! — вдохновенно воскликнул Покровский.

— Вы только представьте себе: к вам приезжает делегация из братской столицы, вы целый день занимаетесь делами, а потом говорите: «Дорогие гости, приглашаю вас на спектакль нашего районного театра!» Побратимы будут потрясены! Ни у кого из них нет своего театра!

Такой поворот темы произвел впечатление. Однако К. привела решающий аргумент:

— У нас в плане есть пункт об открытии новых пивных залов, а о новых театрах — ни слова!

— А у нас спектакли короткие, после представления наши девочки будут в фойе в красивых костюмчиках разносить пиво гостям. Я им поставлю специальную интермедью, — не моргнув глазом, парировал худрук.

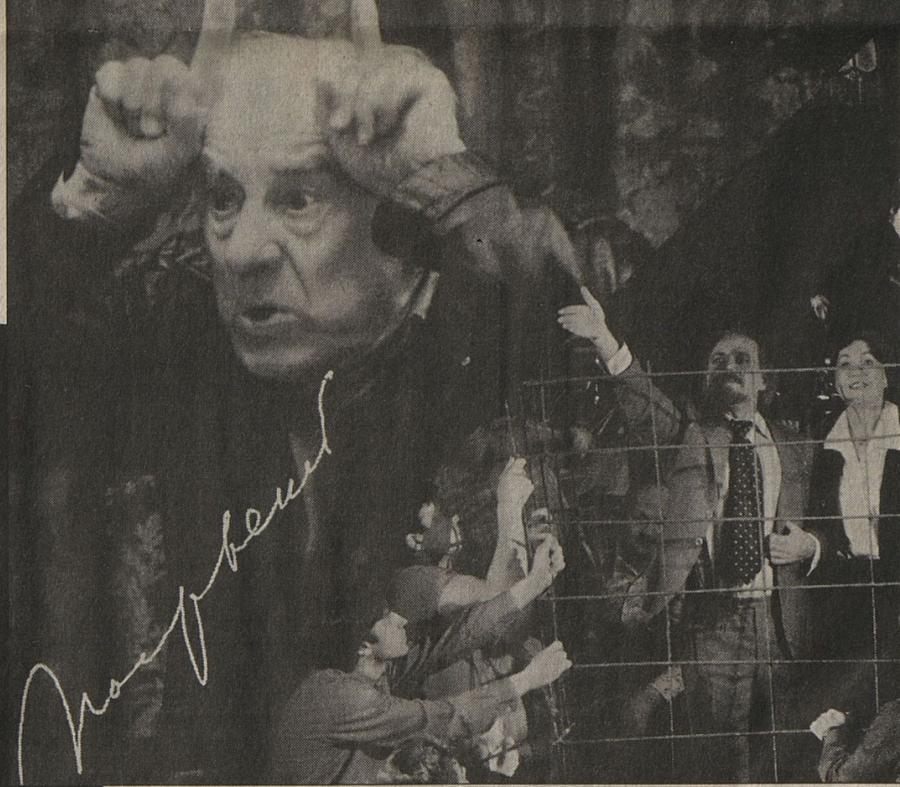
Как ни странно, эта фантастическая картина убедила всех, и решение об открытии нового музыкального театра под художественным руководством народного артиста СССР Б. А. Покровского в помещении бывшего кинотеатра «Сокол» на Ленинградском проспекте, 71, было принято.

Покровский и пожарные

Все мы пребывали в какой-то эйфории, и по законам драматургии что-то должно было случиться. Но то, что действительно случилось, не могло присниться даже в страшном сне.

В тот день я пришел в театр около 12 часов, и первое, на что наткнулся, был пожарный рукав, тянувшийся в глубь нашего подвала. Я побежал вдоль этой страшной кишки, и она привела меня к мокрой, слабо дымящейся куче фанерных ставок. Вокруг молча стояли наши монтировщики декораций, бледные и напуганные. По мокрой лестнице я поднялся в крошечный кабинет директора. Там уже сидели наши молодые дирижеры. На нашего директора было страшно смотреть. Он рассказал, что вечером после спектакля кто-то из рабочих сцены оставил окурок на сцене, он, наверное, тлел всю ночь, а утром вспыхнул огонь и занялся ставки из фанеры, оклеенной тряпками. Можно было и самим погасить из огнетушителей, но прибежали соседи-пожарные, протянули через переулок рукава и залили пламя.

Положение было катастрофическим. Через пару недель после открытия — и с таким трудом! — первого сезона, после буквально вырванного разрешения пожарных на эксплуатацию подвала как театрального помещения, после нервной работы под пристальным и пристрастным наблюдением соседней пожарной части — такой прокол! Сейчас явится группа товарищей закрывать нас.

18 января исполнилось 30 лет Камерному музыкальному театру
23 января его руководитель Борис Покровский отметил свое 90-летие

И тут вошел Покровский. Он уже осмотрел «очаг возгорания» и последствия пожара.

— Ну, что скажете? — спросил худрук.

— Да вот, объявление вывешивать будем: по техническим причинам спектакль отменяется.

— Что за технические причины? — спросил Покровский.

— Ну, пожар, — уныло молвил директор.

— Какой пожар? Где? — Покровский задал этот вопрос так естественно, что мы переглянулись. — Акт о пожаре есть? Вам его вручили? Нет. А раз нет, пожара не было! Пошли вниз!

Б. А. первым двинулся по лестнице. В зале по-прежнему уныло стояли техники. Фанера еще курилась.

— Фомин! Сгоревшие бруски заменить, обтянуть новой тка-

— Какие места? Какой спектакль? У вас же был пожар!

— Какой пожар? — в свою очередь изумился Покровский и повернулся к нам. Мы дружно пожали плечами и выразили крайнее недоумение. Майор, в свою очередь, повернулся к сопровождавшим его чинам.

— Был, был, — обиженно загалдели они.

Покровский широким жестом пригласил «гостей» последовать за ним. Все спустились по мраморной лестнице в зрительный зал, полный празднично настроенной публики, увлеченно следящей за пикировкой Бенедикта и Беатриче, героев «Много шума из-за сердца». Ни малейшего следа стихийного бедствия. Стараясь не топтать, пожарные поднялись в фойе.

— Акт составляли? — спросил майор.

— Да вот хотели написать... — промямлил лейтенант.

— Можете отдыхать, — отрезал майор.

— Извините, служба, — буркнул нам, козырнул и пошел к выходу.

— Заходите еще! — любезно откликнулся Борис Александрович и усталое уселся на банкетку. А нам сказал:

— Был бы у нас буфет, выпили бы сейчас по рюмочке!

он помнил наизусть каждый такт своего любимого произведения.

Репетиции шли полным ходом, привезли лаконичные, но выразительные декорации художника В. Талалая, артисты примеряли костюмы. Но однажды утром мы обнаружили печать на служебном входе: пожарные все-таки закрыли наш подвалчик. В предписании о закрытии театра было приведено множество причин, по которым театр вообще нельзя было открывать. Мы бросились спасать театр. Куда мы только ни писали, куда только ни обращались — все было бесполезно. И тогда Б. А. позвонил Шостаковичу.

Дальнейшее я излагаю со слов Ирины Антоновны и самого Дмитрия Дмитриевича, который рассказывал об этой истории неохотно, но с юмором. Шостакович позвонил в приемную Шелюкова, всесильного министра внутренних дел, и попросил принять его. На следующее же утро Дм. Дм. надел свой спецпиджак, пудовый от тяжести золотых лауреатских медалей и орденов самых высших достоинств (Дм. Дм. всегда надевал его, когда нужно было «пробить» какое-нибудь нужное дело или просить за друзей и учеников — для себя он никогда ничего не просил).

— Что у вас случилось, Дмитрий Дмитриевич? — министр был не чужд культуры и дорожил репутацией мейнэна.

— От вас зависит судьба советской оперы! — с пафосом ответил Шостакович и, волнуясь, рассказал ему о Камерном музыкальном театре и поведал о кознях пожарных деятелей.

— Соедините меня с начальником пожарной охраны Москвы, — приказал Шелюков и взял трубку. — Слушай, разберись со своей частью на Соколе. Меня приглашают на премьеру, а на театре — печать. Завтра доложишь.

Шелюков повернулся к Шостаковичу:

— Не волнуйтесь, Дмитрий Дмитриевич, во всем разберемся, я думаю, все будет в порядке.

На следующее утро мне позвонил сторож и сказал, что в театр приехали какие-то начальники, директора он не нашел и просит меня приехать. Через 20 минут я был в театре. Почти одновременно приехал и наш директор, и группа из 8–10 офицеров начала осмотр. Центром общего внимания был некий полковник.

— Ну, рассказывайте, — обратился он к знакомым нам офицерам с Сокола.

— Вот, товарищ полковник, эта дверь в зрительном зале ведет в жилой дом. Если будет задымление, все пойдет на верхние этажи.

— Заложить кирпичами, — приказал полковник. — Еще что?

— Вот, только один выход из зала, так нельзя!

Полковник подошел к противоположной стене, постучал.

— Что здесь?

— Гримуборные, — ответили мы.

— Пробить проход! — приказал полковник. — Еще что?

— Нет противопожарных датчиков!

— Поставить!

— Нет автономного освещения!

— Провести!

Разочарованные пожарные вручили нам акт с предписаниями, мы их выполнили за несколько дней, и вскоре удар колокола возвестил о начале спектакля «Нос». Всегда буду гордиться тем, что этот удар колокола сделал я. Правда, воспользовавшись поддержкой нашего помрежа.

А. Шнитке. «Жизнь с идиотом» (по роману Вик. Ерофеева)

Шостакович и министр

В нашем подвале шли репетиции «Носа», замечательной оперы молодого Шостаковича с трагической судьбой: после первых представлений в 1930-м она была снята тогдашним ленинградским руководством и оставалась под негласным запретом («не рекомендована») десятки лет. Если честно, то надо признать, что и оперные театры пальцем не шевелили, чтобы добиться постановки «Носа»: уж очень трудна эта протоская опера для постановки и (особенно) для исполнения — вокальные партии написаны на пределе сложности. Молодые артисты труппы Покровского этого, к счастью, не знали и пели эти головомные партии просто блистательно.

Шостакович был счастлив. Несмотря на болезнь, он бывал на репетициях. Перед ним ставили пиюпитр с партитурой «Носа». Ирина Антоновна, его супруга, зажигала фонарик, освещая нотные страницы, но Дмитрий Дмитриевич, даже не взглянув ни разу в ноты, поворачивал свой острый нос в сторону певца или инструмента за секунду до их вступления. Все сорок с лишним лет

— Вы на спектакль? — радушно спросил он. — Раздевайтесь. Галина Ивановна, проводите гостей на мои места!

*Покровский и Борис Александрович
190-летие (100 лет)*

21.1.02